

МУРЗИКА

№ 2

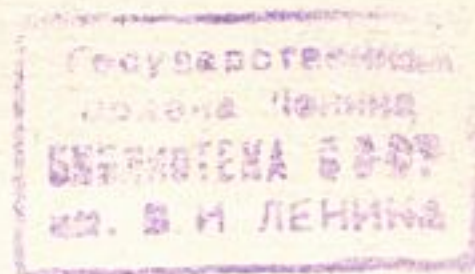
ЖУРНАЛ ЦК ВКСМ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

ФЕВРАЛЬ
1950

Одной большой семьёй живут народы,
Крепка Страна Советов, как гранит.
На страже мира, счастья и свободы
Солдат Советской Армии стоит.

Нам не страшны любые непогоды!
Есть у страны труда надёжный щит —
На страже мира, счастья и свободы
Солдат Советской Армии стоит.

Учись! Работай! Молодые годы
Твоя страна лелеет и хранит...
На страже мира, счастья и свободы
Солдат Советской Армии стоит.

М. СВЕТЛОВ

КАТИН ЦВЕТОК

В школе на окнах очень много цветов. Эти цветы осенью принесли ученики, чтобы в классах было зелено, весело и немножко напоминало о тёплом лете.

В первом классе, где училась Катя Снегирёва, тоже стояли на окнах цветы. Один цветок с круглыми, словно плюшевыми листьями — это герань. Герань принёс Алёша Сахаров, она цвела яркими красными цветами. А рядом стояло красивое растение с тонкими красноватыми веточками — это Данилкина фуксия. На фуксии весь сентябрь висели серёжки, лиловые с красным. Вот какая нарядная она стояла!

Дальше распушилась большая бегония Насти Корольковой. Бегония была розовая от цветов... И в самом углу стоял Катин цветок. Этот цветок был с длинными тёмнозелёными листьями. Листья таращились в стороны, нижние даже на подоконнике лежали. И никогда — ни летом, ни осенью — не было на нём цветов. Даже и бутонов не было.

— И что принесла! — сказала Кате её подруга Маша. — Какую-то не то траву, не то осоку.

— Ну и пусть, — ответила Катя, — а всё-таки цветок.

— Вот так цветок! — засмеялся Данилка Киселёв. — Даже и веток-то у него нет! А на чём же цветам висеть? Вот моя фуксия — так цветок, сразу видно!

— Надо отодвинуть его подальше, чтобы другим не мешал, — сказала Лида Липкина (она была в этот день дежурная в классе) — Другие цветут, им нужно солнышко. А этому что на солнышке делать?

У кого цветов нет, тот и без солнышка может! — И отодвинула Катин цветок в угол. Так он там и остался.

Прошла осень, наступила зима. Залегли кругом горбатые сугробы, загуляла метель по полям и дорогам... В школе топили печи. Ребятишки прибегали по утрам румяные от мороза, а кто шёл изда- лека да замёрз, тот подбегал к печке, тёр ладони у тёплых кафелей.

В окна давно уже вставили вторые рамы, стало меньше света. А солнышко и совсем не светило. А уж если и посветит когда, так нехотя, не ярко, не жарко... И цветы на окнах стали печальные. У герани давно осыпались красные лепестки. Фуксия разроняла все свои серёжки. А с бегонии не только цветы облетели, но и листочки начали понемножку желтеть и опадать...

— А мой цветок не желтеет и не опадает, — сказала Катя, — всё такой же зелёный!

Её подруги, Маша и Лида, засмеялись: — А что с него будет опадать? Разве на нём цветочки были?

— А что не желтеет, так это неправ-

да, — добавила Лида, — ты сама на той неделе два жёлтых листа срезала!

Весело текли школьные дни. Занятия, уроки, праздники, горы да салазки, снежки да коньки... Так незаметно подошёл февраль — кривые дороги, месяц изменчивый: то оттепель, то мороз, то вьюги да метели...

Ещё с начала месяца школьники принялись готовиться к празднику — ко Дню Советской Армии. Рисовали плакаты. Переписывали стихи. Собирали картинки для стенгазеты. Обсуждали, кого из окрестных деревень посадят в почётный президиум — мало ли вернулось в колхозы из Армии героев, отличившихся на войне! Ребяшки из драмкружка носились с костюмами, заучивали роли, репетировали.

Староста школьного кружка юннатов Сеня Коробов обошёл все классы и всем сказал:

— Получше смотрите за цветами. Когда будет праздник, мы их все на сцену поставим, чтобы у нас было красиво.

Катя в первую же перемену подбежала к окну посмотреть, не засохла ли земля у её цветка. Дежурные её цветок не любят; если нехватит воды, то, пожалуй, и не полуют...

— А я тебя всё равно люблю, — шепнула Катя своему цветку прямо в серёточку, откуда тесно росли и распадались на стороны длинные листья. — Ну и что ж, что у тебя цветов нет...

И тут же удивлённо раскрыла глаза:

— Ой! Что это? Новый листик вышел?

Рядом со старыми листьями глядел из земли свежий молодой росток. Катя обрадовалась.

— Вот у них листочки опадают, а у моего новые растут!

Сначала весь класс удивился, что у Катина цветка вдруг начал расти новый лист — да какой-то прямой, да какой-то светлый!

А потом и забыли про него. Ну ещё один лист вырос, но ведь не цветок же!

Даже и Катя забыла. Ей поручили произнести от первого класса речь и поздравить всех бывших бойцов с праздником: председателя дядю Никиту, который имеет медаль «За отвагу»; учителя Николая Петровича, который вернулся с фронта с костью и носит на груди колодочку с лентами от ордена и медалей; дядю Степана Кислёва, Данилкина отца, который на своём танке до самого Берлина дошёл... Да всех, кто доблестно воевал, защищая родную страну! Речь была коротенькая, но Катя всё-таки очень волновалась и твердила её наизусть, чтобы на празднике не сбиться!

Приближалось двадцать третье число. Один раз дежурная — в этот день дежурила Мотя Запёвалина — позвала Катю:

— Катя! Снегирёва! Пойди-ка сюда, посмотри, что твой цветок делает!

Катя прибежала.

— Что такое? Это и не лист даже! Это какой-то столбик вырос! Я у Елены Петровны спрошу...

Но забыла спросить — не до того было. А столбик всё рос, поднимался кверху, выше листьев поднялся, а сам всё набухал, будто наливался соками...

Но вот наступил и праздник — День Советской Армии. Катя бежала в школу с подругами, а сама всё повторяла шопотом свою будущую речь.

Не успели девочки войти в раздевалку, не успели валенки обмести, а уж Сеня Коробов закричал:

— Первый класс! Тащите с окна цветы в зал! Там на длинный стол ставьте, который на сцене стоит!

Катя первая вбежала в класс. И вдруг остановилась:

— Ой, девочки! Ой, смотрите-ка!

И девочки остановились. А Маша даже за щёки взялась от удивления:

— Расцвёл!

Катин цветок расцвёл! С высокого зелёного столбика глядели

на девочек только что раскрывшиеся цветы—три больших цветка, три алых граммофончика с жёлтыми пушистыми тычинками в середине. На улице хлопьями летел снег, а красные лепестки светились, будто их грело солнышко. На стёклах блестел мороз, а красные лепестки раскрылись, будто тёплое летнее небо дышало на них...

Понемножку все ребята собрались в класс, и все дивились на Катин цветок. А потом побежали за своей учительницей Еленой Петровной, чтобы и она полюбовалась на такое чудо.

Елена Петровна посмотрела на Катин цветок и сказала:

— Это — амораллис. Он всегда цветёт в феврале и в начале марта. Но как же он красив! И как же хорошо, что он расцвёл как раз сегодня! Это он нам сделал подарочек к празднику!

Елена Петровна ещё полюбовалась Катиним цветком. А потом велела отнести его в зал и поставить на середину стола, на самое хорошее место. Да не просто на стол, а на подставочку, чтобы его всем было видно.

А в т о б у с

Автобус вышел утром рано,
Сверкая лаком и стеклом.
Внутри, на стенках, на диванах,
Нет ни пылиночки кругом.

Идёт он, чистенький, умытый,
Бензином сытый,
Маслом сытый.
На мостовой — ряды полос
От свежeweымытых колёс.

У остановки ждёт народ.
— Автобус что-то не идёт!
— Вы не волнуйтесь, я иду-у! —
Гудит автобус на ходу. —

Сейчас я двери сам открою,
Дверную ручку вам подам,
Всех усажу и всех устрою,
Чтоб было поудобней вам.
Входите, все входите!
Поехали, водитель!

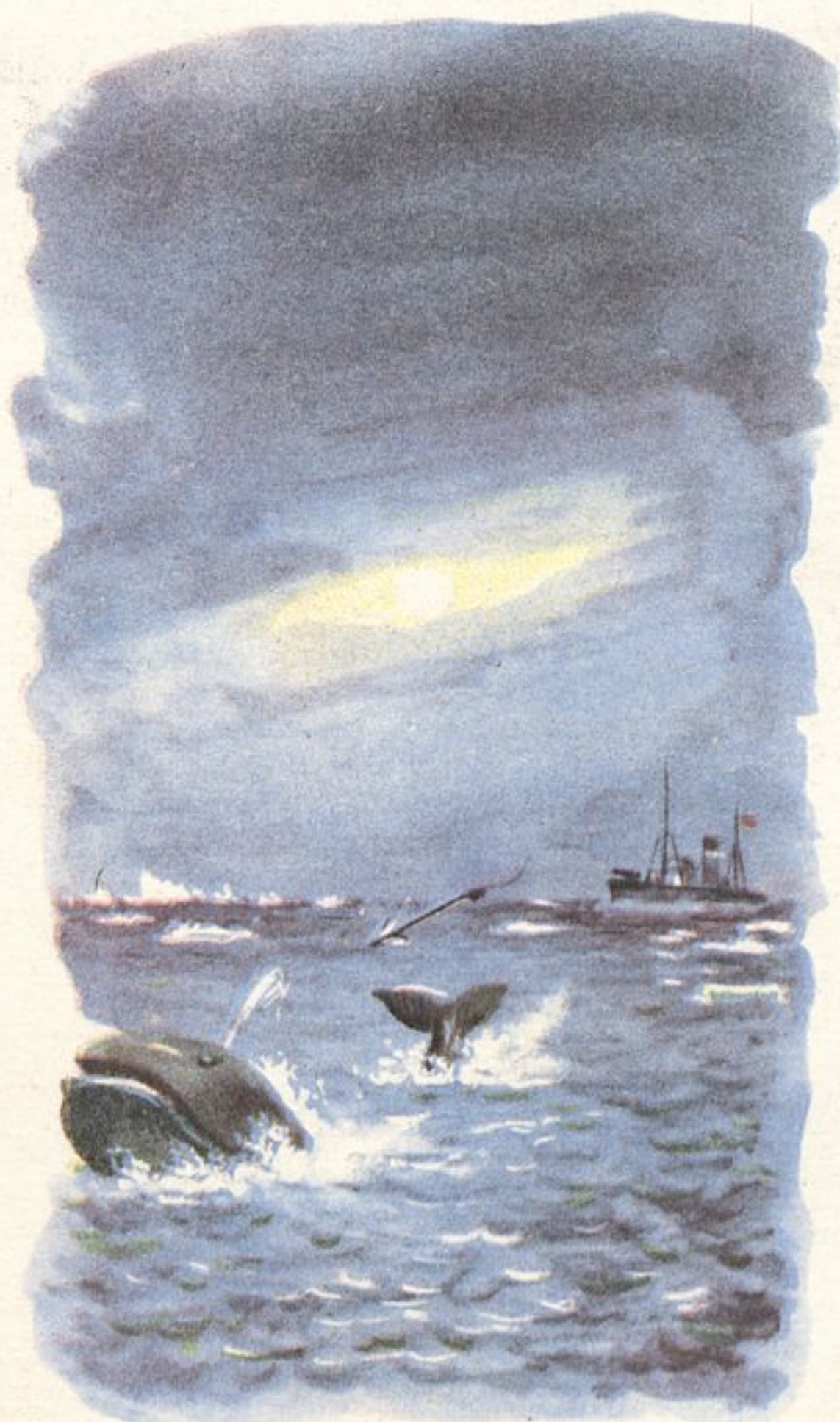
А. КАРДАШОВА

Богдан ЧАЛЫЙ

Рис. В. БИБИКОВА

У ЮЖНОГО ПОЛЮСА

В Антарктике тишь.
Ледяная коса
Колышется в дымке лиловой.
И вдруг
Раздались над водой голоса,
И русское слышится слово.
Снимаются с белых обветренных скал
Бродяги морей —
Альбатросы.

Корабль идёт!
Направляют штурвал
Советские
Наши
Матросы.
Команда: «Готовься!»
Перед ними в зенит
Фонтан серебристый взлетает.
Как лодка подводная,
Медленно
Кит
За гребнем волны вырастает.
Стотонное грузное тело кита
Полно драгоценного жира.
— Огонь!

И гарпун устремился с борта,
 И дымом объята мортира.
 Рванулся гигант,
 Увлекая гарпун,
 И трос натянулся струною.
 Корабль качнуло,
 Кит поднял бурун,
 Взбивая волну за волною.
 — Тревога!
 Корабль
 На льдину летит,
 В бурун зарывается носом.
 Но снова на палубе выстрел,
 И кит
 Бревном волочится за тросом.
 Смеются матросы:
 — Стрелок молодец,
 Не тратит напрасно заряда.
 Зато поглядите —
 Такой образец
 Не частая в море награда!

Плывут китобои
 В просторы морей
 Сквозь бури,
 Снега
 И бураны.
 Отчизна послала
 Своих сыновей
 На промысел
 В дальние страны.
 Уходит корабль
 В безбрежную синь,
 И мачт
 Не видать
 За волнами.
 Гордитесь!
 И там,
 Средь холодных пустынь,
 Алеет советское знамя!

Перевёл с украинского
 Вл. Россельс

А. НЕКРАСОВ

Рис. П. ГОЛУБЬ

КРАСНЫЙ ШАРИК

Этой осенью Наташа Морозова пошла учиться. Теперь она и читать и писать умеет и рисует очень хорошо. В школу она ходит одна, по вечерам сама гладит свои ленточки, сама чистит туфли и в комнате подметает сама.

И подружки, и учителя, и нянечки в школе очень хорошо понимают, что Наташа Морозова уже не просто девочка, а ученица первого класса, да к тому же ещё и отличница. А вот папа с мамой никак не могут этого понять. Им всё кажется, что Наташа совсем ещё малышка, им не верится, что она уже выросла и что с ней можно говорить о серьёзных вещах.

Другой раз папа с мамой заговорят, заспорят между собой, а про Наташу совсем забудут. А Наташа сидит тихонько, что-нибудь делает, а сама слушает и всё, всё понимает. Бывает, правда, попадётся непонятное слово. Наташа запомнит его, а утром, в классе, поднимет руку и спросит:

— Мария Власьевна, что значит патриот?

— Патриот, — объясняет Мария Власьевна, — это, девочки, человек, преданный своему народу, любящий своё отечество, человек, который готов на подвиг и на жертву для своей родины...

Вот как-то раз вечером Наташа рисовала цветными карандашами, папа чертил за столом, а мама читала книжку на диване.

Наташа посмотрела на часы — время позднее. Она закрыла альбом, убрала карандаши, полила цветы на подоконнике, расплела косички и собралась чистить зубы...

Вдруг как грянут за окном пушки, даже стёкла задребезжали... Мама уронила книжку, побледнела, посмотрела на папу... А папа улыбнулся, встал и отдернул занавеску. За окном огненным дождём падали с неба разноцветные ракеты, шарилы по тучам голубые лучи прожекторов и один за другим, сотрясая землю, грохотали орудийные залпы...

— Ой, мамочка, сегодня же День ар-

тиллерии, а мы с тобой и забыли! — закричала Наташа и подбежала к окошку.

— Я зачиталась, детка, — сказала мама и тоже улыбнулась.

Потом они все трое досмотрели салют до конца. Потом Наташа почистила зубы, разделась и улеглась в кровать. Но заснуть она долго ещё не могла и всё слушала, о чём говорят мама с папой.

А говорили они вот о чём.

— Я так испугалась, — сказала мама, — мне показалось, что опять война...

— А зачем же пугаться? — ответил папа. — Если будет война, мы опять пойдём в бой и опять победим...

— Неужели, Серёжа, война всё-таки будет? — спросила мама.

— Пока не будет, а там... там посмотрим, — сказал папа и сел к столу работать.

Мама снова устроилась на диване, почитала немножко, потом отложила книжку, встала, прошлась по комнате.

— Я не понимаю, Серёжа, — сказала она, — Америка, Англия... Неужели они в самом деле хотят воевать с нами?

Папа положил карандаш, повернулся на стуле.

— Видишь ли, Надя, — сказал он, — и в Америке и в Англии народ не хочет войны. Народ хочет мира и готов бороться за мир. Но там, на Западе, есть богатые люди, которые хотят разжечь новую войну, которым кажется, что победу можно купить за деньги... Эти люди обманывают свой народ. Они лгут, они кричат, что это мы хотим напасть на весь мир. Они уверяют, что справиться с нами нетрудно... И пока ещё многие верят этому...

— Значит, всё-таки будет война? — спросила мама.

— Не будем загадывать, — ответил папа. — Нужно, чтобы мир узнал правду. Тогда все честные люди поверят, что мы хотим жить в мире с ними. А те, кто думает поживиться за наш счёт, поймут, что у нас хватит сил проучить любого врага, который вздумает напасть на нас... Вот когда во всём мире узнают об этом, тогда мы скажем: войны не будет!

— Ну работай, я больше не буду мешать, — сказала мама и взяла книжку.

В комнате стало тихо-тихо; было слыш-

но, как тикают папины часы на столе. Потом пробили часы на Спасской башне, потом прогудела машина под окном... а потом Наташа заснула...

А наутро было воскресенье. Наташа с папой позавтракали и отправились гулять.

Они прошли по Красной площади, и папа рассказал Наташе, как тут, на мавзолее, стоял товарищ Сталин и провожал войска на бой с фашистами.

Потом подошёл двухэтажный троллейбус. Наташа уселась к переднему окошку, и они поехали через весь город. Против самого аэропорта у троллейбуса соскочили «усы». Водитель забрался на крышу и зачем-то долго стучал там молотком. Некоторые пассажиры пересели на другой троллейбус, а Наташе даже понравилось, что они так долго стояли. Она видела, как садится большой серебряный самолёт, потом смотрела, как с крыши аэропорта пустили сразу несколько маленьких шариков. Шарик взлетел кверху, ветер подхватил их и понёс куда-то быстро-быстро.

— А далеко они полетят? — спросила Наташа, когда шарики скрылись из глаз.

— Далеко, Наташа, — сказал папа.

— А потом что с ними будет?

— А потом лопнут и упадут.

— А где? — спросила Наташа.

— Ну не знаю, дочка, где-нибудь на западе, далеко-далеко...

Тут водитель слез с крыши, троллейбус тронулся, и очень скоро они доехали до станции «Сокол».

— Вот отсюда, — сказал папа, когда они вышли, — наша часть пошла прямо в бой. Фронт тут был совсем недалеко.

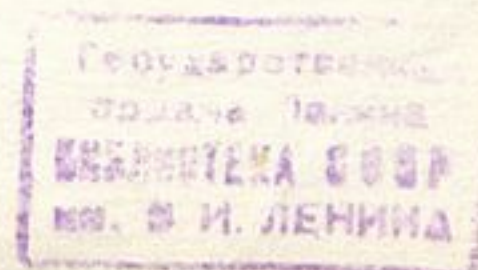
— А я что тогда делала? — спросила Наташа.

— А ты тогда ничего не делала. Когда ты родилась, мы уже отогнали фашистов, — сказал папа.

Обратно они ехали на метро, потом ели мороженое с орехами, потом смотрели, как сажают деревья, а потом пошли домой.

Вечером мама с папой ушли, а Наташа взяла карандаш и нарисовала, как войска уходят на фронт, и как водитель чинит троллейбус, как шарики лопаются в облаках, и как деревья сажают...

Потом всю неделю Наташа вспоминала

эту прогулку, и разговор про войну, и как мама побледнела, когда загремели пушки. А в субботу вечером она села к себе за стол, взяла маленький кусочек бумажки и красным карандашом написала печатными буквами:

«Мы ни с кем не хотим воевать, а если на нас нападут, мы всё равно победим, потому что мы патриоты».

Потом слева в углу она нарисовала красное знамя с серпом и молотом, внизу справа написала «СССР», туго свернула бумажку и перевязала ниточкой.

А утром они с папой, как и в прошлое воскресенье, пошли погулять. Папа шёл не спеша, а Наташа всё торопила его, а сама смотрела по сторонам. Вдруг она увидела целую связку разноцветных воздушных шариков.

Она потащила папу в ту сторону и ещё по дороге быстро-быстро заговорила:

— Купи мне, папочка, шарик, только самый большой. Ну пожалуйста, папочка, ну купи, мне очень, очень нужно...

И хотя папа сразу согласился, Наташа всё уговаривала его, как будто боялась, что папа раздумает.

Она никак не могла дожидаться, пока загорится зелёный свет на светофоре. Наконец все машины сразу остановились, скользнув на тормозах. Наташа с папой перешли улицу и догнали продавца, который чуть не ушёл. Продавец с самого верха до-

стал большой красный шар на длинной ниточке.

— Для тебя самый красивый, только смотри, не упусти, — сказал продавец и привязал ниточку к Наташиной пуговице.

Наташа сразу успокоилась и не спеша, как полагается взрослой девочке, за руку с папой пошла дальше, на Красную площадь.

Тут, против самого мавзолея, папа встретил знакомого. Они заговорили о чём-то, а Наташа достала из рукавички свою записочку, привязала к шарiku и оборвала нитку.

— Шарик! Шарик улетел! — закричали со всех сторон.

Папа обернулся, посмотрел на шарик, посмотрел на Наташу...

А шарик взвился кверху, выше дома. Потом ветер подхватил его и быстро-быстро понёс над площадью.

И папа и все кругом думали, что тут Наташа заплачет. А Наташа, наоборот, засмеялась, захлопала в ладоши и закричала:

— Полетел, полетел!..

А когда, нагулявшись, они вернулись домой, Наташа обняла маму и шепнула ей на ушко:

— Мамочка, ты не бойся: скоро все, все узнают, что мы хотим мира и что Советская Армия всё равно всех сильнее. Войны не будет, мамочка...

— Ну, конечно, не будет, умница ты моя, — сказала мама и поцеловала Наташу.

Сергей МИХАЛКОВ

Мой конь устал: он не привык
Скакать и день и ночь.
Я срочно вызвал грузовик,
Чтоб мне в беде помочь.

Я друга-Мишку попросил
Помочь мне как-нибудь.
Он выбивается из сил,
Чтоб с места нас толкнуть.

Ещё не кончилась игра,
А мне кричат, что спать пора.

Рис. В. БОГАТКИНА

Георгий ДМИТРИЕВ

Рис. В. БОГАТКИНА

СКВОРЕЦ

Когда Вовка и Лёнька из второго класса «А» подходили к своему двору, чей-то голос из-за угла пропел:

Птиц на свете много есть,
Всех пород не перечесть.
Классу ж «А» всех милей
Старый, лысый воробей.

Лёнька, бросив на тротуар сумку с книгами, побежал было на голос, но догнать никого не удалось, и он сейчас же вернулся, запыхавшийся и сердитый.

— Вот дался им наш воробей! — с досадой сказал он.

В самом деле, было от чего досадовать. Эти вторые «Б» в последнее время просто прохода не дают: дразнятся, называют их живой уголок «воробьиным уголком», а теперь ещё сочинили эту обидную песенку. И всё из-за воробья, старого, драчливого неуживчивого воробья, неизвестно когда и кем принесённого в класс.

Увлечённые заманчивой идеей затмить второй «Б» и завести белку, ребята все средства потратили на неё и на дорогую клетку с вертящимся колесом. А потом второй «Б» тоже ухитрился где-то достать белку. Вышло так, что и у тех и у других теперь было по ежу и белке. А вот против

их щегла и пары чижей у второго «А» оказался один злосчастный воробей.

Конечно, купить щегла или чижа ребята ещё могли бы. Один раз они даже раздобыли молоденькую чижику. Но воробей оказался редким нахалом и задал ей, выживая из клетки, такую трёпку, что пришлось чижику выпустить. На покупку второй клетки денег уже не оставалось.

Пробовали выпустить воробья. Но он не пожелал менять сытое, обеспеченное существование на случайности вольной жизни. Когда его выпускали из клетки, он упорно возвращался обратно и победно чирикал на жёрдочке, нахально поглядывая круглым глазом на растерянных ребят.

А что было с ним делать? Не отдавать же его кошке! И вообще он, их воробей, не лысый.

— Достать где-нибудь такую птицу, чтоб им завидно стало! — мечтательно сказал Вовка.

— Да-а!.. Что у нас с колесом, а у них без колеса — этого никто не видит, а воробей всем глаза жжёт, — ворчливо сказал Лёнька и вдруг остановился, схватив Вовку за рукав. — Вот бы скворца твоего в наш уголок, а?

Вовка тоже остановился, поражённый этой мыслью, но после некоторого раздумья сказал нерешительно:

— Ну, уж это ты перестарался...

Лёнька и сам понимал, что «перестарался». На правах близкого друга и соседа он знал всю историю скворца, знал, как трудно он Вовке достался и как не только Вовка, но и его отец любят эту занятную птицу.

А со скворцом дело было так. Когда Вовка отлично перешёл во второй класс, отец разрешил ему просить, чего душа желает.

— Скворца! — не думая ни минуты, сказал Вовка.

— Скворца? Живого? — озадаченно спросил отец и задумался.

Вовку это удивило. Отец работал машинистом в депо и мог купить даже сто скворцов. На всякий случай Вовка уточнил:

— Ну да. Одного скворца. Одного единственного!

Однако отца, видно, пугало не число скворцов, а что-то другое, потому что он ещё немного подумал и, вздохнув, сказал:

— Это, брат, придётся согласовать с высшей инстанцией.

Так отец называл бабушку, которая жила с ними с тех времён, когда умерла Вовкина мать. Отец не бывал дома по суткам, приезжал не надолго, и хозяйкой в доме считалась она.

— Ишь чего выдумали! — возмутилась бабушка, узнав о скворце. — Ещё зараза от него какая-нибудь на мальчика нападёт... Вот умру, тогда уж не то что скворцов, а хоть медведей в доме заводите.

Сколько ни доказывали Вовка с отцом, что никакая зараза от скворца не пойдёт, бабушка упрямилась. Была она до ужаса чистоплотна, да и любила-таки поставить на своём.

Пришлось идти на хитрость. Купили скворца потихоньку, всё лето держали в сарае и обучали секретному фокусу. А уже когда стало холодать, внесли как-то утром в комнату. Скворец поклонился бабушке и сказал: «Доброе утро, Марь Степанна». Тут бабушка не выдержала и, рассмеявшись до слёз, сдалась. И такого скворца Лёнька Лихачёв предложил отдать в

живой уголок второго класса «А»! Об этом нечего было и думать.

И всё-таки Вовка думал. Думал он и днём, думал и вечером, и даже на следующий день в школе. А уж когда насмешники из второго «Б» опять вспомнили про лысого воробья, сразу решил: «Отдам!»

Дома он долго стоял перед клеткой. Скворец осторожно брал из пальцев сахарные крошки, кланялся и говорил: «Доброе утро, Марь Степанна». А Вовка осторожно безмянным пальцем трогал его нежную умненькую головку и думал, что «наш» — это всё равно, что «мой», и что второму «Б» будет теперь не до песенок.

Когда в комнату вошла бабушка, Вовка сказал ей самым, каким только можно, беспечным голосом:

— А я завтра понесу скворца в класс, в наш живой уголок.

— Выдумал! — насмешливо сказала бабушка. — Для того и покупали, для того и кормили.

Словом, они с бабушкой поспорили. Под конец Вовка даже попробовал сыграть на самой тонкой струне.

— Зараза от него, — нерешительно сказал он.

— Теперь о заразе заговорил! — рассмеялась бабушка. — Вот, погоди, завтра отец вернётся, он тебе покажет заразу!

В самом деле: он совсем забыл об отце, который, может быть, и не скажет прямо, что нельзя, но, наверно, рассердится за то, что Вовка не дорожит его подарком.

И, как всегда бывает, теперь, когда переселение скворца становилось почти невозможным, ему особенно этого хотелось...

Отец приехал рано утром, уставший и озабоченный, и сказал, что только поспит немного и опять уедет.

Бабушка сейчас же засуетилась с завтраком, а Вовка издали повёл речь о скворце. Отец писал какие-то цифры на клочке бумаги, говорил время от времени: «так-так», и слушал одним ухом. Но потом бросил свои расчёты, стал слушать по-настоящему, потребовал даже, чтобы Вовка спел, — хотя Вовке это и было противно, — скверную песенку про воробья, и потом громко и долго смеялся.

— Ну, а если вам теперь скворца, — спросил отец, отсмеявшись, — так, значит, про них, про второй «Б», песню сочините?

— Ага, — сказал Вовка. — Лёнька Лихачёв сочинит. Он такой. Он ещё лучше сочинит.

Тогда отец, по обыкновению, подпёр щеку большим своим кулаком и задумался. Вовка понимал, что отцу жалко так,

за здорово живёшь, отдавать скворца. Но уж очень долго он думал. Поэтому Вовка потянул его за пуговицу:

— Ну, папа?.. Ну?

— Ты меня не подгоняй, — спокойно сказал отец, — теперь, брат, и шуровать нужно не как-нибудь, а подумавши, с расчётом, с художеством. А тут тем более, дело тонкое, детское. Скворца отдать — полдела... Классный руководитель то ваш знает про эти песенки?

— Нет... Они при Павле Петровиче боялись.

Отец придвинул к себе принесённую бабушкой яичницу.

— Ну, скворца ты тащи, а я, может... — Отец, не договорив, стал есть яичницу, а Вовка поспешно схватил клетку.

Уже из передней Вовка слышал, как отец попросил бабушку достать и почистить парадный китель. Это был очень красивый китель, с серебряными погонями и орденом, и Вовка с удовольствием посмотрел бы в нём отца. Но бабушка заговорила про то, что вот хотел отдохнуть, а теперь давай китель, и что никто не думает о здоровье, и Вовка, махнув рукой, побежал в школу.

На перемене в душноватой, разгороженной на уголки комнате около учёного Вовкина скворца стоял несмолкаемый хохот. Вторые «Б» просто лопались — сначала от любопытства, потом от зависти. А на следующем уроке Лёнька Лихачёв схватил двойку. Он сочинял язвительные стихи и никак не мог найти рифму на «белку без колеса». На «без хвоста» выходило очень хорошо, но вражеская белка, к сожалению, была с хвостом. И как раз в минуту самого напряжённого творческого раздумья Павел Петрович велел ему «продолжать»...

На второй перемене, после звонка, бегом возвращаясь в класс, Вовка издали увидел отца. Он был в погонах и с орденом и разговаривал с Павлом Петровичем.

А под самый конец уроков в класс вдруг пришла Нина Иванова из второго «Б» и сказала, что их чижиха снесла два крохотных яичка, и так как это очень интересно, то желающие могут посмотреть.

— Подлизываются, — пробурчал Лёнька Лихачёв, — под нашего скворца подъезжают.

Но это было очень интересно, и Лёньку никто не поддержал.

— Ну что ж, — сказал Павел Петрович, — пойдёмте посмотрим. Только мне кажется, что и вам есть чем похвалиться: покажите им скворца...

В душевной комнате, где были уголки, всё смешалось. Вторые «Б» неудержимо хохотали, стоя вокруг раскланивающегося скворца, а вторые «А» лезли круглыми стриженными головами чуть не в самую клетку, где в ваточном гнезде лежали чижины яйца. Потом смотрели белку. Её было очень жалко. Она сидела скучная в своей тесной клетке, где трудно и повернуться.

— Вот бы пустить её в нашу, — сказал Вовка. — На минуточку.

И белки, очутившись вместе, подняли такую весёлую возню, так заигрались, так бешено крутили колесо, что жалко было рассаживать их снова.

— А в эту клеточку снегиря можно, — деловито сказал Лёнька. — Мне один тут предлагал, да клетки не было...

Вовка вернулся домой позже обычного.

— Ну, как скворец? — сразу спросил отец, и Вовка, торопясь и сбиваясь, стал рассказывать про чижику, про сдружившихся белок и ежей и про то, что теперь у них будет один общий живой уголок вторых классов «А» и «Б». А отец страшно удивлялся, и это было очень интересно, потому что всегда интересно рассказывать, когда удивляются.

ОЛЬГА ПАВЛОВНА

Кто расскажет обо всём:
Отчего бывает гром,
Как работают заводы,
И какие там станки,
И о том, как садоводы
Разбивают цветники,
И про север, и про юг,
И про всё, что есть вокруг,
И про уголь, и про газ,
Про тайгу, и про Кавказ,
Про медведя, про лису,
И про ягоды в лесу?

Кто научит рисовать,
Строить, шить и вышивать,
Усадив ребят в кружок,
Прочитает им стишок,
Скажет: «Выучите сами,
А потом прочтите маме»?

Кто сейчас же разберётся,
Почему Олег дерётся,
Почему у Гали с Ниной
Он матрёшку отнимал,
Почему слона из глины
Миша сразу поломал?

Это воспитательница,
Это Ольга Павловна.

Любит Ольга Павловна
Всех своих ребят,
Очень Ольгу Павловну
Любит детский сад!

Нина Найдёнова

Иван НЕХОДА

Рис. В. КОНОВАЛОВА

НА РОДИНЕ ЧКАЛОВА

ПАРОХОД „ЧКАЛОВ“

На «Чкалове» Волгой широкой плывём...
Учитель наш помнит о нём, о живом,
О нём, кто бесстрашно стремился в полёт,
Чьё имя несёт на борту пароход.

Волна завивается из-за кормы,
И повесть учителя слушаем мы.

Васильево — прежде звалась слобода,
Где рос он на Волге в былые года.
У Волги, где с кручи сбегает сады,
Не раз он в раздумье сидел у воды.
Следил он за птицей, что к небу взмывает.
— Зачем я не сокол? Зачем не летаю? —

Высокие тучки над Волгою плыли.
— Зачем я не сокол? Зачем я без крыльев?

На Волге рождённый, на Волге он рос
Мальчонкою русым средь русских берёз...

Мы на берег сходим. Минули года,
И Чкаловском стала теперь слобода.

ГОРОД ЧКАЛОВСК

Вот памятник лётчику. Вот его дом.
Героя музей помещается в нём.
Вот карта отчизны. Кремлёвские звёзды.
Большой самолёт поднимается в воздух.
Моторы поют на орлином просторе.

ОТЧИЗНА КРЫЛЬЯ НАМ ДАЛА

Полоска земли средь Охотского моря.
Всё громче моторов торжественный гуд.
Их пенье сливается с громом прибоя.
Снижается Чкалов на острове Удд.

Присвоено острову имя героя.
Прославлены храбрость, умение, труд.
И Чкаловым остров далёкий зовут.

Седые метели. Торосистый лёд.
Маршрут — из Москвы, через полюс,
в Америку.

Над льдами советский парит самолёт...

Машина теперь возвышается в скверике.
На ней небывалый свершён перелёт.
И родина Чкалову славу поёт.
И надпись на крыльях начертана тут:

«СТАЛИНСКИЙ МАРШРУТ».

Вот фото: выходит герой из кабины,
Сам Сталин его обнимает, как сына.
И люди в награду за доблесть высокую
Зовут победителя Сталинским Соколом.

Мы снова на «Чкалове» Волгой плывём...
А в Чкаловске помнят о нём о живом,
О нём, кто, задорный и полный веселья,
Катался с мальчишками на карусели,
Закинувши удочку, рыбу ловил,
С ребятами всеми играл и шутил.

Девчурка у Чкалова как-то спросила:
— Кто, дяденька, дал вам и крылья и силу?
И Чкалов ответил:
— Девчурка родная,
Советская родина нас окрыляет.
Ты хочешь летать? Ты поднимешься ввысь!
Отчизну люби и отлично учись!

Та девочка ныне летит над страной,
Та лётчица край охраняет родной.

*Перевёл с украинского
Яков Хелемский*

Д. МИРОНОВА

Рис С. БОЙМ

ПОДЗЕМНОЕ ЦАРСТВО

(Сказ)

Радостно в избе бабушки Дарьи. Сын к ней младший объявился — Дмитрий. И неожиданно так, как белый месяц, в двери вошёл.

А со всех сторон народ валит — охота гостя поглядеть, речи его послушать.

— На чём же ты приехал, сынок? — спрашивает Дарья. — Как с неба свалился.

— И правда, с неба, — смеётся Дмитрий. — Да я коня своего крылатого звёздами подковал, никто нас не слышал, никто не видал, только ночь чёрная билась о копыта да ветер метлой тучи разметал. А я, мать, за тобой пожаловал. Строго-настрого приказано тебя в Москву доставить.

— Кто же такой строгий нашёлся, чтобы мне наказы слать? — Дарья была гордая и чужой воли над собой не терпела.

— Кто приказал? Да внук твой, Никитка. С утра до ночи твердит: слетай да привези бабушку Дарью. Я, говорит, ей сказок сколько расскажу и книжки разные почитаю, только бы приехала поскорее!

— Ишь ты, какой шустрый, — смеётся

Дарья. — Это мне-то сказки сказывать? Да я сама, может, все тропы лесные исходила, с каждого деревца по словечку срывала да в сказку те слова нанизывала.

— Ладно, — говорит Дмитрий. — Вы там сами разберётесь, кто кому больше понаскажет. Едем, мать, едем...

Не стала Дарья спорить, надела праздничный сарафан, повязала голову красным полushалком, взяла лукошко малины, узелок орехов и поехала.

Говорят старые люди, что скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. А тут и дело быстрехонько сделалось.

Вот уже бабка Дарья и в Москве, со внуком по улицам гуляет, на всё Дарья дивится. Дома небо подпирают, от окон в глазах рябит, по улицам гул от машин-самоходов. Ни одной лошадёнки не видно. А улицы гладким холстом тянутся, и краю им нет.

— Чудно как! — говорит Дарья. — А я ведь в Москве была годов пятьдесят тому назад. Извозчик меня тогда до тёмной ночи к месту вёз. Только и запомнила, как фонари глаза в лужи таращили. Я вот на

полвека постарела, а Москва, как молодуха, в разноцветный наряд разоделась, и не узнать её!

А внук её всё по городу водит, всё показывает да про всё рассказывает. Не устаёт Дарья дивиться: живые сказки, да и только!

Вечером Дарья внуку стала свои сказки рассказывать, лесные: про белочку-стрипуху, лису-одноуху, о писклявом галчонке...

— Ой, — говорит Никитка, — какие ты сказки хорошие знаешь, бабушка!

Но когда Дарья про царство подземное заговорила, про то, что далеко за морями, глубоко под землёй, веками сковано, корнями да травами связано, к которому ни троп, ни дорог не было, — перебил её Никитка:

— Погоди, бабушка, погоди, царство подземное и у нас есть, только здесь оно метро называется. Завтра тебе покажу.

Ничего на это Дарья не сказала и виду не подавала, что внучек шуткой балуется.

А на другой день Никитка Дарью и правда в метро привёл.

— Вот и подземное наше царство. Гляди! Сейчас на эту лестницу станем и с ней вниз полетим. Да ты не бойся, я с тобой рядом буду.

Глядит Дарья — лестница стоногая, сама ходуном ходит, из себя полосатые ступени, словно когти, выпускает. А где ей начало, где конец — неведомо.

— Эко чудо, — говорит Дарья, — лестницу-то, как в половодье, несёт!

Страшно было ей на лестницу встать. Но она глаза закрыла, сердце рукой придержала и без всякой тряски вниз покати-лась.

А как ступила на твёрдую землю, не выдержала и громко ахнула. Вот так подземелье! Ну и хоромы! В середине хоть хоро-воды води. Серебряные столбы вверх тянутся, а на синем своде красновёздные крылья распластаны, свод подпирают. Стены золотом-серебром украшены, везде

краски-переливы играют. А огонь по белым чашам разлит.

За столбами в обе стороны вагоны бегут, да такие приветливые, будто говорят: садись, подвезём. Не успеешь глазом моргнуть, а двери, как живые, сами распахиваются, сами закрываются. А людей, что деревьев в лесу! И все торопятся — знать, дела их важные ждут!

— Ну и ну!.. — говорит Дарья. — Дворец под землёй, а свету — как на горе высокой.

Долго, долго Дарья с внуком под землёй разъезжали. Все лестницы исходили, все залы оглядели. Не успеет на один нагледеться, а перед нею уже другой — ещё краше прежнего.

А когда домой шли, Дарья всю дорогу

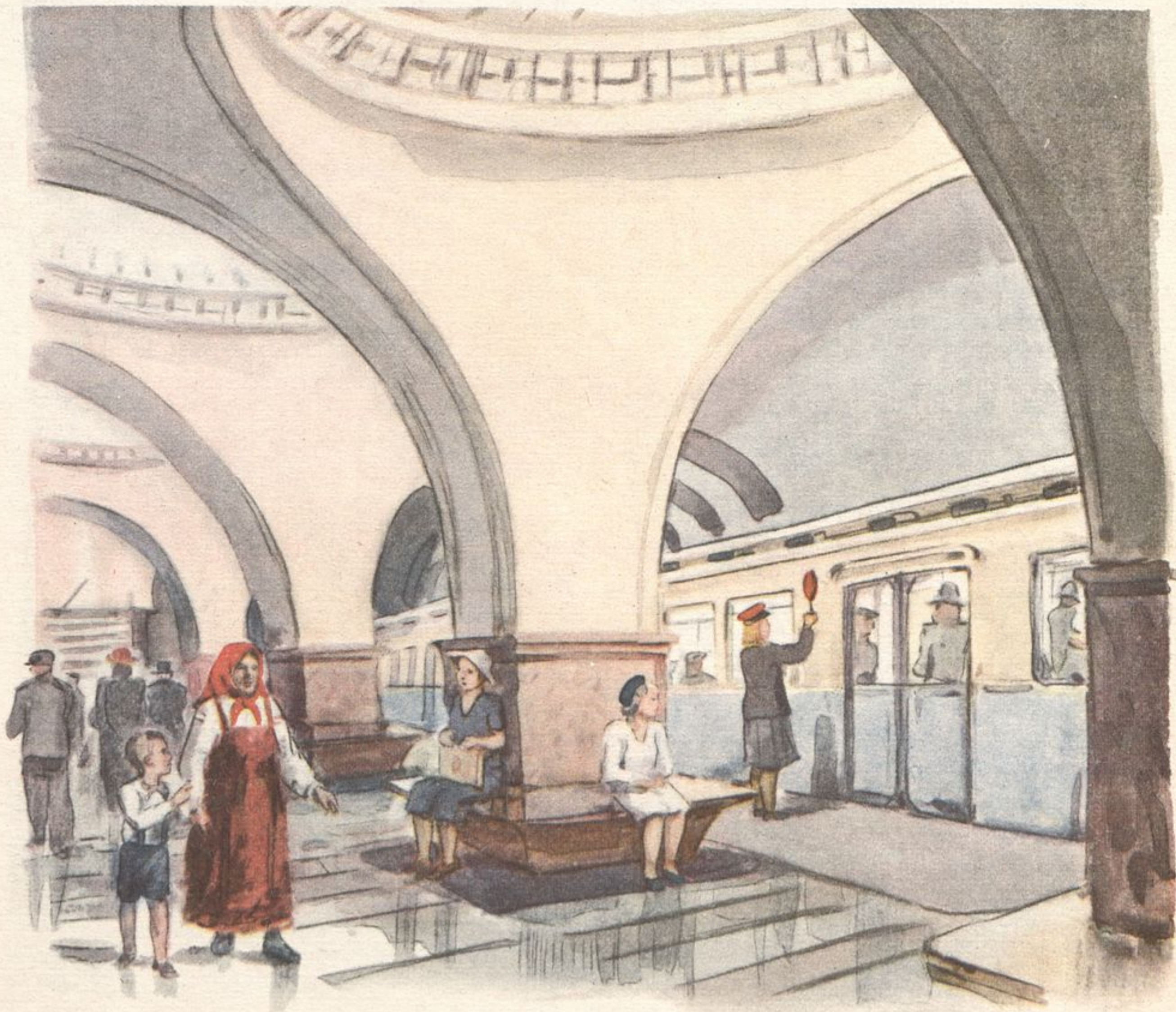
молчала и дома ни слова не промолвила. Всё о чем-то думала. И только вечером подошла к сыну Дмитрию, тихо спросила:

— А скажи-ка мне, сыночек, кто такое царство подземное придумал? Какими руками золотыми оно сделано? Как человека этого величают?

— Правда, мать, правда. Руки его золотые! И не один человек строил — народ строил. Молодые силы, комсомольские.

Дарья выпрямилась, словно помолодела, а потом низко-низко поклонилась и сказала:

— Народу нашему, рукам его знатным — почёт и уважение от бабушки Дарьи. Так, сынок, и передашь. Я думала, что сказок моих дивнее нет, а дела-то народные, выходит, ещё дивнее...

Вит. БИАНКИ

Рис. Е. РАЧЁВА

„С Н О С О М“

Молодая ворона ходила по берегу реки, разыскивая себе среди камней пропитание.

Ничего хорошего ей не попадалось, — одни дохлые рачки да рыбки.

Наконец нашла крупную двухстворчатую раковину — беззубку. В этих раковинах превосходного вкуса слизняки — вроде прославленных устриц: свежие, прохладные и такие аппетитные на вид. Да как их достать? Раковина толстая, крепкая, створки плотно примкнуты, как на замок закрыты. Укупорка — первый сорт!

Молодая ворона уж и так и эдак: то на один бок повернёт раковину, то на другой, то на ребро её поставит, да всё тюк да тюк по ней носом. А нет, не поддаётся раковина: скользит крючковатый вороний нос по гладким створкам. Тюк! — и в песок нос. Тюк! — и в песок.

Наглotalась молодая ворона песку. Сидит — хохлится. Не знает, что дальше делать.

Прилетел кулик-сорока. Тоже себе раковину разыскал. В пальцах зажал, нос уткнул в уголок, где створки не так крепко сошлись. А нос у кулика-сороки прямой да долгий, на конце что твоё долото заострён — отточен. Рраз! — нажал, — раковина так пополам и раскрылась!

Молодой вороне обидно. Подскочила она к кулику-сороке, — устрицу у него из-под носа выхватить. А он — глотать! — и нет устрицы: давно в горло к нему проскочила.

Молодая ворона скорей назад — к своей раковине.

— Кра! — кричит. — Кража! Так всякий дурак раскупорит, раз такой инструмент нос! Прочь кулика-сороку: он вороний нос позорит!

— Ишь раскаркалась, — сказала, подлетая, старая ворона. — Не он, а ты вороний нос позоришь. Сказано ведь: «Всякая птица своим носом сыта».

Да хватъ раковину у молодой вороны из-под носу!

Крепко, как клещами, зажала раковину своим крючковатым носом. Взвилась с ней на воздух — да и швырк её с высоты прямо на камни.

Раковина вдребезги, а устрица — вот она!

Молодая ворона от удивления и рот разинула.

А старая уж на камнях.

Проглотила устрицу и говорит:

— Ещё сказано: «А кто дальше носа не видит, тот с носом и останется». Спасибо за угощеньице!

Рисунок на обложке — К. Кузмина, оборот обложки — Ю. Коровина

Редколлегия: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ, Л. ВИНОГРАДСКАЯ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ.
Художественный редактор Н. Попов. Рукописи не возвращаются. Техн. редактор А. Губер.

Год издания двадцать седьмой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сушёвская ул., 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 1-06.
2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в печ. л. Форм

Подписано к печати 7/1 1950 г.
921/8 Тираж 124 500 экз.

A00906.
Заказ 2323.

Объём 3 печ. л.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сушевская, 21.